

Глава 11. Давай вернемся домой, Е Байлан

Ци Цзю был в шаге от того, чтобы немедленно покинуть этот мир.

От этого решения его удержали лишь две причины. Во-первых, принудительный выход из системы сулил массу проблем, с которыми потом было бы крайне трудно разобраться.

А во-вторых... этот кусачий волчонок в его объятиях выглядел слишком уж несчастным. Настолько, будто и сам не собирался жить долго.

Е Байлан дрожал, задыхаясь в лихорадочном, сбивчивом ритме. Судорожные вздохи вызывали инстинктивную дрожь во всём его теле, на ощупь казавшемся холодным и окоченевшим. Это напомнило Ци Цзю о другом маленьком белом волке, которого он когда-то выхаживал. Тот зверь погиб от пули охотника: красивая серебристая шерсть была перепачкана кровью и грязью, а сам он лишь судорожно ловил ртом воздух, пока жизнь по капле не утекла сквозь пальцы Ци Цзю.

Ци Цзю медленно сомкнул руки, коснувшись кончиком носа лба Байлана.

— Никуда я не вернусь, — негромко произнес он. — О чем ты только думаешь?

Справиться с Байланом в его нынешнем состоянии оказалось не так уж сложно. Даже той мизерной силы, что была доступна Ци Цзю в режиме энергосбережения, хватило, чтобы заставить волчонка обмякнуть в его руках. Байлан лишь отчаянно распахнул глаза. Он пугающе исхудал: ввалившиеся щеки делали глаза еще больше. Взгляд его оставался затуманенным и пустым, но из-за выступивших слез зрачки лихорадочно блестели.

Ци Цзю немного передохнул, экономя силы, а затем медленно поднял руку и коснулся ресниц Байлана. Тот не шевелился и даже не пытался уклониться, лишь отрешенно смотрел в никуда. Ци Цзю нащупал одну ресничку и без тени жалости вырвал её.

Е Байлан вздрогнул от резкой боли.

Ци Цзю подождал три секунды. Не дождавшись ответа, он вырвал вторую.

Волчонок, ошеломленный болью, предпринял слабую попытку вырваться, но Ци Цзю крепко прижал его за затылок к себе:

— Где мы?

Байлан хрипло дышал, его красивые глаза покраснели. Он смотрел на Ци Цзю с нескрываемой мукой и отчаянием.

Ци Цзю за всю свою жизнь так и не узнал, что такое мягкосердечие. К тому же он почти ничего не видел, поэтому просто отключил трансляцию Системы и продолжал упрямо противостоять обезумевшему волчонку. Тот съезжился под его рукой и медленно опустил взгляд на вторую руку Ци Цзю, лежащую рядом на постели. В его взгляде читалась настороженность.

Лишь спустя долгое время Байлан, затаив дыхание, медленно склонился и прижался лицом к его ладони.

Ци Цзю со стороны казался человеком добродушным, но в его натуре всегда сквозила некоторая бесшабашность и жесткость. Это не исчезло ни с болезнью, ни с увечьем. Даже когда у него слушалась всего одна рука, он продолжал делать и говорить то, что считал нужным, невзирая на безумие Байлана. Его уверенность была настолько непоколебимой, что Байлан рядом с ним просто не находил в себе сил продолжать неистовствовать.

Прижавшись щекой к ладони Ци Цзю, Байлан до боли закусил губу, заставляя себя вынырнуть из спасительного бреда и начать соображать. Ладонь была теплой. Не такой горячей, как обычно, но сухой и живой.

Это не был тот Ци Цзю из ледяной реки. Тот захлебнулся и утонул, а этот — был жив и в сознании. Единственным объяснением этому была та «призрачная надежда», о которой твердили врачи. Этот лжец действительно сдержал обещание.

Внезапное осознание реальности заставило помутившийся разум Байлана прийти в порядок. Он понял, что всё еще сидит на больничной койке. Ему было холодно, и он хотел поглубже зарыться в объятия Ци Цзю, но рука на затылке по-прежнему удерживала его.

Ци Цзю снова склонил голову и в третий раз, четко выговаривая каждое слово, спросил:

— Где мы?

— ...В больнице, — нехотя прохрипел Байлан.

Ему не нравилось, что его держат за затылок, поэтому он попытался коснуться макушкой ладони Ци Цзю:

— Ты пришел в себя. Мы в больнице.

Ци Цзю с облегчением выдохнул и принялся привычно приглаживать взъерошенные волосы волчонка.

— Не «ты», а «мы», — педантично поправил он. — Мы пришли в себя.

Е Байлан, только что метавшийся в бреду и теперь получивший напоминание о своем позоре, промолчал.

Ци Цзю нравилось видеть его замешательство. Он негромко рассмеялся, но смех тут же перешел в кашель. Тело ослабло, и он начал сползать вниз по подушкам, а перед глазами заплясали искры. Режим энергосбережения накладывал свои ограничения: сил было катастрофически мало. Видя, как Байлан в панике пытается его поддержать, Ци Цзю слабо похлопал его по спине:

— Всё хорошо... Не бойся, волчонок. Со мной всё в порядке. Просто сил совсем нет. Я прикрою глаза на пару минут, посплю и снова проснусь.

Байлан молча и упрямо поддерживал его, стараясь сделать так, чтобы Ци Цзю опирался на него всем весом. Тот послушно соскользнул в его объятия и, похлопав по дрожащей руке, внезапно предложил:

— Слушай, может, вернемся домой?

Тело Байлана на мгновение окаменело.

— ...Что? — хрипло переспросил он.

— Домой, — голос Ци Цзю стал тише, но в нем слышалась прежняя безапелляционность. — Посмотри на меня. Ты что, собираешься выбросить меня на улицу, чтобы я подышал в одиночестве? У меня ведь там огромная квартира с видом на реку. Ты должен отвезти меня туда и кормить...

Байлан сидел как громом пораженный. Он и подумать не смел, что Ци Цзю захочет вернуться с ним. Где-то в глубине души он не верил, что после всего случившегося тот вообще захочет иметь с ним дело. Ци Цзю был в его власти, страдал из-за него и едва не лишился жизни. Байлан не понимал, почему, очнувшись, этот человек снова заговорил о доме.

Он хотел было спросить «почему?», но этот наглый лжец уже вовсю перечислял требования: Байлан должен будет прислуживать ему, во всём слушаться и — самое странное — учиться у него. Ци Цзю просто не давал ему вставить ни слова. Стоило Байлану подумать, что тот вот-вот потеряет сознание, как Ци Цзю снова открывал глаза и продолжал диктовать условия.

В конце концов у Байлана, чей разум только начал проясняться, просто разболелась голова от этой болтовни:

— Да почему ты такой проблемный?!

Ухаживать за ним — это еще куда ни шло, слушаться — тоже можно стерпеть, но с какой стати

он должен учиться у этого мошенника? Чему? Искусству обмана?

— Будешь учиться или нет? — Лжец на его плече выглядел крайне скверно, он жадно ловил воздух через кислородную маску, но взгляд его оставался ехидным. — Если нет, то и возвращаться с тобой мне незачем. Найди лодку, положи меня в нее и пусти по реке...

— Буду! — почти выкрикнул Байлан, чувствуя, что закипает. — Ты можешь просто закрыть рот и отдохнуть?!

Неужели этот идиот не видит, в каком он состоянии? Лицо бледное, в глазах туман, даже кислород не помогает стабилизировать показатели на мониторах — тревожные сигналы не умолкают ни на секунду. Как он может при всём этом не спать и продолжать ворчать?!

Услышав гневный рык волчонка, Ци Цзю не выдержал и коротко усмехнулся:

— Могу...

Он отключил принудительную стабилизацию в режиме энергосбережения, и из его горла тут же вырвался резкий кашель. Байлан, почувствовав, как тело Ци Цзю обмякло в его руках, мгновенно изменился в лице. Он крепко сжал объятия, не давая ему упасть.

— На этот раз... запомнил? — прошептал Ци Цзю, едва заметно коснувшись пальцев Байлана.
— Я жив...

Байлан замер. Он судорожно вздохнул и до боли крепко сжал руку Ци Цзю. Он грел её своим дыханием, прижимался к ней лицом — единственным, в чем еще оставалось тепло. Он тер его ладонь и пальцы, не давая им остыть.

— Я жив, — тихо баюкал его этот несносный человек. — Е Байлан, не бойся.

Он едва заметно постукивал пальцем по тыльной стороне руки Байлана, успокаивая его.

— Пойдем домой, Е Байлан. Хватит бояться...

Байлан подхватил его на руки и встал с кровати. Из-за поврежденной ноги он покачнулся, но успел удержать равновесие и осторожно опустить Ци Цзю на пол, прежде чем упасть самому. Он нажал на кнопку вызова и, когда в палату вбежали врачи, твердо заявил, что Ци Цзю приходил в себя. Пока медики суетились вокруг приборов, Байлан неподвижно стоял у кровати.

Врачи твердили ему, что это невозможно. Пациент слишком слаб, приборы не зафиксировали никаких изменений — он не мог прийти в сознание. Они пытались убедить Байлана, что Ци Цзю не очнется. Доктор, поколебавшись, признался: вероятность того, что больной придет в себя, сравнима с шансом падения метеорита на это самое здание. Ложная надежда лишь приумножит страдания, поэтому лучше знать правду.

Байлан молча кивнул и надел тапочки. Он несколько раз прошелся по палате и обнаружил, что споткнулся о собственную трость, а тапочки сам же зашвырнул под кровать. Байлан стоял, обутый и опирающийся на трость, держа Ци Цзю за руку, и слушал их путанные объяснения о том, почему его Ци Цзю больше никогда не откроет глаз.

— Я всё понял... А теперь, — медленно произнес Байлан, прерывая их. Голос его был абсолютно спокойным. — Могу я забрать его домой?

Врачи переглянулись. Большинство из них уже догадались, что стоит за этой просьбой. Посмотрев на неподвижное тело на койке, они лишь тяжело вздохнули:

— Если вы так настаиваете...

Байлан поблагодарил их, поднялся и вежливо попросил всех выйти, чтобы оставить их с Ци Цзю наедине. К этому моменту он казался совершенно вменяемым. Несмотря на истощение и болезненный вид, к нему вернулась его бывшая холодная решительность. Перед ними снова стоял тот самый непредсказуемый глава семьи Е, которого никто не мог прочесть.

Опешившие врачи не решились спорить. Передав документы на выписку, они покинули палату. Байлан замер, слушая, как стихают шаги и закрывается дверь, после чего вернулся к постели. Он уже плохо помнил, как выглядел Вэнь Чжань — то ли этот лжец использовал какой-то грим, то ли еще что, но теперь Ци Цзю казался ему совсем другим человеком.

Сейчас он выглядел куда благороднее. Когда он молчал и не ворчал, его черты лица казались глубже и четче: высокий лоб, прямой нос... Он напоминал выходца из северных краев, где леса вечно укрыты снегом.

— Брат, — Байлан осторожно коснулся его бровей. — Я буду слушаться.

Он будет послушным. Он не станет верить тому, что говорят другие. Он знал, что Ци Цзю жив, просто тот слишком устал от разговоров и уснул. Байлан сам просил его замолчать и поспать, и Ци Цзю просто выполнил просьбу.

...Но теперь Байлан поймал себя на мысли, что предпочел бы слушать его ворчание. Это открытие заставило его почувствовать себя проигравшим в их негласном споре. Он действительно хотел, чтобы этот человек учил его — чему угодно, любым безумным вещам, он был готов стать его учеником. Лишь бы Ци Цзю проснулся и заговорил.

Но пока Ци Цзю успел научить его совсем немногому, и те немногие уроки Байлан намерен был исполнить. Прямо сейчас он заберет его домой. В ту самую квартиру с видом на реку, где есть еда и покой. Теперь это будет и его дом. Он больше не станет ввязываться в опасные дела — Ци Цзю нужен уход, и всё остальное может подождать. А если тому вдруг станет скучно, Байлан готов даже позволить ставить на своей спине банки.

Этот план придал Байлану сил. По телефону он быстро уладил все формальности. Пока весь город гадал, жив он или сошел с ума в больнице, Байлан действовал. В Городе Н творился хаос: семьи, прижатые полицией, либо отчаянно защищались, либо спешили с повинной, лишь бы не попасть под горячую руку «обезумевшему» главе семьи Е. Пока их покровители замечали следы, Байлан решил последовать совету Ци Цзю и не топить врагов в реке. Он найдет более изящные способы заставить их заплатить... Например, через полный крах их влияния.

Раньше он никогда не играл по правилам, всегда балансируя на грани света и тьмы, и смерть его не пугала. Но теперь всё изменилось: ему нужно было заботиться об этом капризном лжеце. О человеке со скверным характером, который начинал хандрить, если ему не давали над кем-нибудь подшутить.

Байлан невольно улыбнулся своим мыслям. Лицо отвыкло от этого выражения, и мышцы отозвались тупой болью. Он взял руку Ци Цзю и прижал к своей щеке.

— Больно, — прошептал он. — Брат, я проголодался.

Ци Цзю лежал неподвижно, его дыхание было едва заметным. Губы, недавно увлажненные водой, снова начали сохнуть. Байлан, подражая Ци Цзю, медленно погладил его по волосам. Он не понимал, что в этом приятного — волосы были жесткими и покалывали ладонь. Когда они вернутся домой, он покажет Ци Цзю свои раны и попросит пластырь. Тот самый, с черными крылышками, который ему так никто и не дал.

Байлан перебирал жесткие пряди. Сухие, обескровленные губы Ци Цзю казались ему чем-то неправильным. Поилка стояла далеко, а он не хотел выпускать его руку ни на миг. Тогда Байлан склонился над ним и, словно неуклюжий волчонок, начал осторожно, почти невесомо касаться губ Ци Цзю своими.

И тут...

Прежде чем он успел сделать что-то еще, человек, чьи шансы на пробуждение врачи оценили как «ничтожные», внезапно открыл глаза.

Метеорит с грохотом обрушился на всё мировосприятие Ци Цзю. Если первые два раза — на дне реки и в бреду — еще можно было списать на попытку «искусственного дыхания», то сейчас оправданий просто не существовало.

Ци Цзю от ужаса мгновенно пришел в себя. Он в оцепенении уставился на Байлана:

— ...Ты что творишь?!

Е Байлан замер.

Ци Цзю был прекрасен во всём, кроме одного — до Байлана, наконец, дошло: этого мошенника совершенно не интересовали романтические отношения. Человек, который обвел его вокруг пальца, забрал его деньги и чувства, умудрился очнуться в самый неподходящий момент только для того, чтобы задать этот вопрос.

И что ему ответить? Что он решил поставить на его губах банки собственным ртом?

<http://bllate.org/book/16113/1588147>